

АНДРЕЙ СКОРОБОГАТОВ

КУРЬЕРСКАЯ
СЛУЖБА 2

Андрей Скоробогатов

Курьерская служба-2. Новичок

«Автор»

2026

Скоробогатов А. В.

Курьерская служба-2. Новичок / А. В. Скоробогатов — «Автор»,
2026

Главный герой, молодой дворянин с душой тысячелетнего Секатора-убийцы миров, заступает на свою должность в Императорской Курьерской Службе, в отделе особых поручений. Его ждут заявки-квесты по колониям Российской Федеративной Империи в Гренландии, Антарктиде и на Филиппинах.

Многочисленные противники - кланы, тайные сообщества, мафия всех мастей, а также могущественные неведомые телепаты - не дремлют.

Содержание

Том II. Новичок	5
Часть I. СтажировкаГлава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Ча	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Скоробогатов

Курьерская служба-2. Новичок

Том II. Новичок

Часть I. СтажировкаГлава 1

Я ещё раз пересмотрел записи дневника, оставленного моим предшественником, чьё тело оккупировал мой разум.

“Общество”. Ниже — древовидная структура с клеточками. Самая верхняя клеточка была пустой, и в ней карандашом было написано “Государь Император?”. Ниже три клетки, одна из которых — “Дмитрий Меншиков”. Ещё ниже — разветвление на три клетки: “Какой-то грек”, “Годуновы?”, “Эрнест Голицын”.

...Далее -- схема континентов Старого Света. На территории Европы стояли три крестика, причём один был вымаран и передвинут на сантиметр восточнее. Один крестик стоял на Среднем Урале, а рядом убористо было подписано — “Верх-Исетск”. Три — в Сибири и на Дальнем востоке и ещё пять — на территории обширной Японской Империи, включая острова и то, что в других мирах называлось Китаем.

Один крестик стоял над Папуа-Новой Гвинеей, одна треть которой, как я уже знал, была Российской. Один — в колонии России в Австралии. Ещё с десяток был раскинут по Африке.

На обороте изображался Новый Свет и очень криво, схематично — Антарктида.

Внизу стояла подпись: “Всего — две сотни, у Общества — 70”.

— Умница, Эльдар!.. — улыбнулся я. — Ты всё решил за меня.

Я уже задумывался ранее, откуда берутся аккумуляторы и усилители силы, которые упоминались в составе разных артефактов. Наличие источников силы и возможности как-то эту силу перераспределять, увеличивать и так далее, во-первых, всё это объясняло. А, во-вторых, открывало уйму новых, чудесных возможностей по устранению человечества.

Не обязательно даже было становиться тёмным властелином, подгребая под себя все возможные источники и учиняя страшные колдунства. Это было сложно и долго. Достаточно было встроиться в Общество. Затем найти брешь в обороне этих источников, ненадолго получить контроль над одним из них и при помощи сенситивных способностей нанести необходимый для уничтожения человечества — а возможно, и заражённой планеты — кинжальный удар.

И тогда парша магии пожрёт саму себя.

Осознав это, я прислушался к себе и почувствовал тревогу. Внутри зазвенело грустное, неприятное чувство, что я не должен всё это делать. Что мир интересен, идеален, гармоничен, пусть и с противоречиями. Что это другой случай.

Что надо просто жить здесь.

Возможно, вспомнил я, несколько раз в прошлых жизнях я тоже испытывал подобное чувство. И каждый раз я находил в себе волю совладать с ним и выполнить предназначение. Ну, пожалуй, кроме пары оплошностей. Наверное, получится и в этот раз.

К тому же, Верховный Секатор разрешил не торопиться.

— Ничего... поживём, — пробормотал я и добавил. — А потом...

— Эльдар! — в дверь комнаты беспардонно застучали. — Дама тебя ждёт, чем ты там занимаешься?

— Маменька, что за намёки?

Да уж, реципиент до сих пор продолжал преподносить сюрпризы.

— Откуда я вас, юношей, знаю, — вздохнула мама и удалилась.

Наскоро спрятав три последние бумаги и деньги в чемодан, я вернулся за общий стол.

— Дорогая Валентина Альбертовна, — предложила Мариам и поднялась, как только я пришёл. — Давай оставим десерты детям и дадим им... побыть наедине. Им, наверняка, есть о чём пообщаться. Например, о грядущих совместных командировках.

Мать хитро ухмыльнулась, подхватила со стола фужер вина и отправилась вслед за подругой в сад. Самира выразительно посмотрела на меня и подмигнула.

Я удивлённо хмыкнул, до конца не сообразив, что это было.

То ли Мариам знала про что-то, то ли это были её фантазии и предложение подогреть наше с Самирой общение. На курсах говорили, что командировки с сотрудницами из других филиалов возможны, однако предполагать, что из нескольких сотен сотрудниц Отдела по особым поручениям жребий выпадет именно на Самиру — было бы странным.

— Она что-то знает из того, чего не знаю я? — спросил я. — Нет, я абсолютно не против полететь с тобой в командировку, просто, как я понимаю, в первую очередь посылают коллег по своему филиалу?

— Да, так и есть. Просто Мариам знает и моего, и твоего будущего начальника, Корнея Кучина. Они - её однокурсники, и она может их обоих подговорить. Просто очень беспокоится, что мне придётся куда-то ездить с незнакомыми мужчинами, и поэтому...

— То есть сватовство — это второстепенная задача, а основная цель была — проверить и подыскать напарника?

— Ну, как сказать, — Самира потупила взгляд. — Слушай, а давай их поэпатируем? Садись ближе.

Я сел на угол стола, на соседний с ней стул, где только что сидела Мариам. Шторы у гостиной располагались таким образом, что моё предыдущее место было видно из сада, а это — нет. Мне уже стало интересно, что она замышляет.

— Сел. Что дальше?

— Сейчас, надо выждать некоторое время, — сказала она, перейдя на шёпот.

Допила вино из фужера, аккуратно вытерла тёмные губы салфеткой и выждала несколько минут. Отодвинула все тарелки и приборы на середину стола, задрала скатерть, а затем принялась ритмично постукивать по столу ребром ладони, периодически приостанавливаясь. Процесс продолжался около двух минут. Затем она закусил губу и достаточно громко и томно замычала, застонала, чередуя русские и английские слова:

— М, да, да, ещё! Еа, еа, о май гад!

Я решил ей подыграть — стал покачиваться на стуле, заставляя его скрипеть. Разговор матери и Мариам, который доносился из сада, притих. Хулиганство темнокожей красавицы звучало весьма правдоподобно, а тембр голоса был такой завораживающий, что я даже задумался: очень жаль, что это инсценировка. Не выдержал и для усиления драматургического эффекта рискнул и положил руку ей на грудь. Она округлила глаза от удивления и убрала ладонь, но через секунды две, продолжая постанывать.

Из коридора выглянул Фёдор Илларионович с весьма ошалевшим взглядом. Я поднёс палец ко рту, мол, тише. Он прищурился, улыбнулся и с пониманием кивнул.

— Он не проболтается? — прошептала Самира, сделав перерыв между вздохами.

— Надеюсь, что нет.

Затем мы выждали некоторое время, и Самира решила завершить свой перформанс.

— Спасибо, мне было приятно, — кивнула она, поднялась и поцеловала меня в ухо, оглушив на пару секунд. — Пойдём, попрощаемся с родителями.

Званный обед закончился достаточно быстро. Мать усиленно делала вид, что ничего не произошло, и продолжала говорить что-то на тему погоды и сада. Мариам теперь молчала и

поглядывала на меня со смесью настороженности и раздражения. Как только гости погрузились в такси, и машина скрылась из виду, мать накинулась на меня с допросами.

— Как ты посмел, на первом же свидании! Как можно меня так позорить перед подругой? Я думала, ты - послушный ребёнок!

— Это всё моё природное обаяние, маман.

Мать нахмурилась.

— Хм. Хочешь сказать, Самаира сама? В тихом омуте черти водятся?

— Я ничего не буду комментировать.

— Надеюсь, вы предохранялись?! Мне ещё рано становиться бабушкой!

Я не стал комментировать, конечно же.

— Мне пора, ещё много дел, спасибо за отличный обед.

Попрощавшись с дворецким, который вынес мне чемодан, я тоже погрузился в такси и поехал по «Дворянскому Пути». На этот раз решил сесть на переднее кресло, хоть и предпочитал всегда заднее. Залез в телефон, и там обнаружилось то, чего я немного опасался: сообщение от Нинель Кирилловны.

«Мне почудилось, что на балконе вашей усадьбы стояла незнакомая девица. Иной расы. Кто она?»

«Я не хотелъ вамъ писать, дорогая Нинель Кирилловна, но со мной случилась та же оказия, что и съ вами чуть ранее. Меня пытались сосватать съ дочерью маминой подруги».

Через какое-то время пришло сообщение:

«Вы - подлець!»

По тексту я абсолютно не мог определить, в шутку это было сказано, всерьёз, или же мною пытались манипулировать, изображая ревность. Я настроил:

«Уверень, Нинель Кирилловна, я не давалъ вам сегодня поводовъ для ревности, и вы это чувствуете :)»

После я подумал о том, чтобы скинуть какое-нибудь забавное видео про котиков и принялся рыться в одном из развлекательных каналов, на который успел подписаться, но тут заметил, что такси едет как-то очень странно. Оно то ускорялось, то замедлялось, и играло в шашечки с проезжающими машинами, а водитель что-то бубнил под нос.

— Что происходит?

— Барин, у вас никаких проблем нет? Вон тот внедорожник нас преследует уже десять минут!

— Проблемы есть, но я не думаю, что причина в этом.

Неужели опять «Единороги»? Мы встроились в поток и ехали теперь между двумя крупными грузовиками. Этот отрезок дороги пролегал по высокому аэродуку над складскими территориями и перелесками. На миг показалось, что опасность миновала, но вдруг чёрный силуэт высокой машины поравнялся с нами, а затем резко дёрнулся и толкнул наш автомобиль в сторону ограничительного бордюра.

Водитель успел слегка отклонить руль, и столкновение прошло по касательной. Однако этого хватило, чтобы мы врезались в ограждение, а затем нам в зад влетел грузовик, развернув нас ещё сильнее и вытолкнув передними колёсами через ограждение.

Зазвенели разбитые стёкла, сработали подушки безопасности. Водитель заорал и застонал — видимо, повредило не то руку, не то ногу. Крышка больно ударила в грудную клетку, но я смог сам освободиться от подушки безопасности и приоткрыть дверь.

Внизу, под ногами, виднелся покорёженный решётчатый бордюр, а за ним — сорок метров пустоты. Осталась лишь узкая бетонная полоска моста за ограждением. Из-за открытой двери машина качнулась вперёд.

— Стой! Закрой обратно! — закричал таксист.

Не верьте тому, кто говорит, что не боится высоты. Высоты инстинктивно боятся, или, по крайней мере, боялись все. Просто некоторые боятся упасть с тридцати метров, хотя легко могут взобраться на второй этаж к возлюбленной по водосточной трубе. А кто-то боится упасть с высоты двух метров, в то время как спокойно смогут стоять на вершине небоскрёба. Сорок метров — это было очень страшно.

Возможно, машина не смогла бы сразу упасть вниз, и конструкция бордюра, растянувшегося и изогнутого теперь лентой, могла бы сдержать вес передних колёс. Так или иначе, проверять это не хотелось. Я не стал слушать таксиста.

Досчитал до пяти, опёрся на приоткрытую дверь, затем резко выпрыгнул из машины, еле удержавшись на ногах, одновременно захлопывая дверь. Машина качнулась вперёд, а затем чуть назад. Перелез через соседний пролёт ограждения и попытался подтолкнуть машину назад, но её прочно удерживала сломанная рама. К нам уже спешили люди, поэтому я открыл покорёженную заднюю дверь и достал с сиденья чемодан. Стыдно сознаваться, но о чемодане я подумал чуть раньше, чем о жизни водителя.

Водитель грузовика, въехавшего в нас сзади, сработал быстро. Отъехал чуть назад в ещё не выросшую пробку, нырнул под капот, вытащил трос лебёдки, зацепил нас и осторожно потащил обратно.

— Врач, есть врач?! Вы ранены, сударь? — спросил он, подойдя ко мне.

— Водитель! — я направился к переднему сиденью.

Дверь удалось снять и вытащить водителя примерно тогда же, когда над аэродуком появился компактный четырёхмоторный вертолёт с флагом и мигалками. Из капсулы выпрыгнул жандарм, и начались уже знакомые мне опросы свидетелей, составление и подписывание бумажек. У водителя оказались сломаны ступня и левая рука, но откуда-то сзади, из пробки показалась худая девушка в поношенном свитере. Она присела рядом с раненым, достала большую подвеску из-под свитера. Наклонилась, взяла его покорёженную, окровавленную руку и принялась тихо, размеренно напевать что-то, закрыв глаза и покачиваясь.

Толпа сбежавшихся зевак замолчала, наблюдая за действием. Водитель грузовика пробормотал:

— Надо же... вот повезло поймать такую в пробке. Один шанс на миллион, наверное. Потому что Москва.

Через несколько минут раненый сжал пальцы руки и поворачивал кистью. Затем приподнялся и приобнял незнакомку, чуть не плача от радости:

— Спасибо, сударыня, спасибо!..

— Прости, на ногу не хватило бы уже, — кивнула она и скрылась обратно в пробке.

Вскоре прибыл ещё один вертолёт — радиоуправляемая капсула, в которую погрузили раненого. Напоследок я сунул ему десятирублёвую купюру, сказав:

— Чаевые. На лечение.

— Спасибо. Прости, что не довёз, барь, — усмехнулся он.

Прибыли и постовые, которые принялись «тянуть пробку», а меня после подписания всех протоколов и съёмки места происшествия подхватил и докинул до Внуково водитель того самого грузовика.

По дороге я скинул Нинель Кирилловне фотографию искорёженного такси, вытаскленного с обочины моста.

«Подо мной было сорок метров пустоты», — написал я безо всяких дурацких «ъ».

Учитывая последнее её сообщение, я предполагал, что последует что-то язвительное — вроде того, что так вам, изменникам, и нужно. Но, на моё удивление, мне поступил звонок.

— Эльдар Матвеевич! — говорила она вполголоса, но очень взволнованно. — Вы целы?! С вами всё в порядке?

— Грудина болит, крышкой подушки безопасности прилетело. А так — нормально. Блин, я очень соскучился по твоему... по вашему голосу, Нинель Кирилловна.

Она ответила после небольшой паузы.

— Я... я тоже. Значит, всё хорошо? Что случилось-то? Это те злые парни, которые прервали наше... свидание?

Решил не страшать.

— Нет, скорее всего, просто какие-то бандюганы. Автохамы. Бортанули на джипе. Копы разберутся.

— Эм... поняла только «бандюганы». Хорошего вечера... вам, Эльдар Матвеевич. Будьте осторожнее.

Она повесила трубку. Что ж, я поставил ей плюсик за то, что позвонила первой. Значит, есть что-то, кроме игры в «ближе-дальше».

— Ничего, барь, если тебя выкину во Внуково? Мне потом поворачивать.

— Ничего, — кивнул я. — Только... останови вон у того торгового центра.

Идти с чемоданом, полным денег, было не очень комфортно. Я мог вызвать такси, но вспомнил, что Сид упоминал про банкомат Московского Дворянского Банка в этих местах, и не ошибся. После непродолжительных поисков, мой чемодан оскудел на большую часть наличности. Я оставил сто рублей с копейками, зато на счету значительно прибавилось:

«Платёжный счёт: 1344 руб. 82 коп.

Накопительный счёт: 3170 руб.»

Погулял по торговому центру и обнаружил небольшой музыкальный магазин. На удивление, он был даже в такой дыре, как Внуково. Выбор был небогатый, поэтому я выбрал инструмент подороже — странную небольшую пятиструнную гитару, чуть больше гавайской, но меньше стандартной.

— Гитара с Петринских Островов, — сказал продавец — волосатый и смуглый. — Хороший выбор, барь. Ты чё, по японщине больше, наверное? Тебе бы тогда электроклавесин.

— Это не мне. Хотя, может, когда-то и прикуплю.

Захватил также пузырь алкоголя — прусского перчёного ликёра, закинул его в дипломат. Дальше я шагал три километра пешком с упаковкой — было не очень тяжело, и захотелось насладиться погодой. Начинало вечереть, около дома Аллы остановился на миг и посмотрел на свет в окошках.

— Серенаду, что ли, спеть? Не, не оценит. Пацанка...

Остаток пути я прошагал за сорок минут. Музыку на своём участке я слышал за метров сто — это были уже знакомые риффы электрогитары Сида. Но когда понял, что он исполняет — сначала не поверил своим ушам.

Эту мелодию, текст и этот стиль исполнения я слышал примерно в десятке миров Основного Пучка. Не скажу, что она была моей любимой, более того, она была раздражающе-безумной и корявой. Однако пару раз она становилась эдаким гимном умирающей человеческой цивилизации. Мне довелось встретить автора этого трека всего один раз — в большинстве известных мне миров этот странный сибиряк не доживал не то, что до преклонных лет, но даже до моего вселение в тело моего двойника.

Одно я знал теперь точно. Если эта песня существует в настолько далёкой от Основного Пучка реальности — то значит, Егор Летов был таким же человеком-парадоксом, что и я, чья судьба пронизывает все известные мне миры.

— Пластмассовый мир победил, — услышал я голос Сида и ещё пару голосов. — Ликует картонный набат. Кому нужен ломтик июльского неба? О-о, моя оборона!

Я открыл ворота и продолжил, сияясь перекричать гитарный усилитель:

— Солнечный зайчик незрячего мира!

Сид сбился, удивившись и моему возвращению, и тому, что я знаю эту песню, но продолжил:

— О-о, моя Оборона! Траурный мячик стеклянного глаза, траурный зайчик нелепого глаза.

Компания, пять человек, расположилась у небольшого костра между моим домом и домиком Сиды.

— Барь вернулся! — ко мне подскочил и обнял незнакомый паренёк лет тринадцати-четырнадцати.

«Троюродный брат Сиды – Ростислав», - вспомнил я — вероятно, он уже был ранее знаком с Эльдаром Циммером и считал его своим другом. Я подозревал, что он будет старше.

— Барин приехал! Хи-хи!

Следом ко мне подбежала и точно также повисла на втором плече совсем молоденькая незнакомая девица с разноцветными волосами — ни дать-ни взять персонаж аниме. Подошла и Софья, тоже обняла, зыркнув на Сиды, а последним подошёл Осип, который был уже изрядно навеселе. Осталась сидеть только Альбина, отсалютовав мне бутылкой пива.

Да уж, подумалось мне, групповые обнимашки — явно не то, чего ждёшь от крепостных. Но после весьма неприятного происшествия это оказалось ровно то, чего не хватало.

— Выкупи меня! — заявил Ростислав. — Ты мне обещал. Мне теперь четырнадцать — можно выкупать без согласия родителей, после проверки Домом.

— Подумаю. А родители чего?

— Чего-чего. Батя помер, мать спилась. Барин обнищавший.

— У бабушки живёт, двоюродной, — сказал Сид, отложив гитару. — Ты ешь, угощайся, мы тебе шашлык оставили. Расскажешь потом, откуда песню знаешь?

Я презентовал инструмент, и пьянка продолжилась уже со мной. Признаться, это был один из немногих, очень редких разов, когда я расслабился и позволил себе явно чуть больше допустимого.

Запомнились другие песни, чуть менее знакомые, чем эта. Запомнился разговор с Альбиной, которая вещала мне:

— Ты мою девочку!.. Барыню мою... Осторожнее. Она хрупкая такая. Я ж её люблю. Ну, как крепостные барыню любят. Потерпи лучше пару лет. Ранняя первая любовь, знаешь, редко бывает надолго. По себе знаю. Вот — охламона этого встретила тогда. Когда бандюганы. Ох, он и дрался!

А следом мулатка крепко засосала в губы щуплого очкарика.

Ещё запомнилось, как рядом подсели Сид и Ростислав и что-то подсказывали мне, помогали разобраться в телефоне.

Ещё помню, как, оставшись один у догорающего костра, сжигал в нём три листка, которые принёс с собой. Можно подумать, что это было пьяное безумие, но нет — сжечь или уничтожить эти улики, эти остатки проклятого дневника я подумал сразу после того, как они оказались у меня в чемодане. Перед уничтожением я просмотрел их ещё раз. Вся более-менее нужная информация уже была у меня в голове. Как была и стратегия по поводу того, как действовать дальше.

Впереди было воскресенье. Встал я поздно, за завтраком, переходящим в обед, вспомнил и решил проверить приложение «Мой Двор». И обнаружил в нём новую запись:

"Помещик: Циммер Эльдар Матвеевич. Статус: Мельчайший (неимуший). Число душ: шестеро. Общая рыночная стоимость душ — 19540 р. Список:

— *НОВЫЙ: Макшеев Ростислав Сергеев, рейтинг — 4,41, 14 г., г. Москва, русский, нач. обр.*

— Вот же Сид. Вот же сукин сын! Купил я его братца, получается.

Глава 2

Сумма на электронном счету в мобильнике, как это логично предположить, сократилась.

«Платёжный счёт: 384 руб. 82 коп.

Накопительный счёт: 3170 руб.»

Сид отсутствовал, уехал с Софьей, оставив, помимо свежего завтрака, банку огуречного рассола и остатки вчерашнего пиршества. Я позвонил Сиду и высказал всё, что думаю о ситуации с его родственником. Сид принялся оправдываться.

— Матвеич, ну я тебе рассказывать не хотел, когда всё это с тобой... ну, с тем ещё прошлым барином случилось. Да и у самого из головы вылетело. Вы с Ростиком друзьями были, он, когда ещё мелкий совсем был — в школу пошёл... Батя помер, а мать пошла пьянствовать. Родительских прав лишили. Ты и пообещал, что выкупишь. Когда твоё восемнадцатилетие отмечали.

— Девятьсот рублей. Мне не деньги жалко, а то, что ты на меня ответственность повесил за него. Да и стрёмно как-то подростков покупать. Где он жить теперь будет?

— За это ты не беспокойся. В родную семью возвращать — не стрёмно. До восемнадцати лет за него дотации полагаются. От Дворянского дома на содержание двадцать рублей в месяц. Предыдущий барин почти всё себе забирал. Потом — его бабушка не отказывается, говорит, пусть у меня пока поживет. Да и сам он самостоятельный. А после — если двадцать квадратных метров на участке выделишь, то комнатку построю... Он смысленный, в хозяйстве пригодится.

— Гены у него не очень, — нахмурился я. — Раз один родитель сидит, а второй пьёт. И вы ещё вчера при нём алкоголь хлестали!

— Так это ж пиво. И по праздникам. Про наследственность — это всё поправимо. Среда другая будет — не сопьётся. Зато по предварительному тесту — ноль и четыре процент сечения. Поболее, чем у меня. Иногда бывает, что с таким процентом к годам сорока развивают худо-бедно один навык.

— Ладно. Выделю ему двадцать квадратов, так и быть. Но когда переедет — сам воспитывать буду.

«В конце концов, - подумалось мне, - молодые приспешники, чьим воспитанием я занимался с самого детства, могут пригодиться, если задача по уничтожению мира затянется на несколько десятилетий».

— Спасибо! Слушай, барь, я тут баньку присмотрел. Готовую. Сруб. Всего двести пятьдесят рублей!

— Не в этом месяце, Сид, — строго обрезал я. — Я так понял, ты в курсе, сколько у меня на кошельке осталось, и у меня совсем другие планы на эту сумму.

Не буду описывать остаток воскресенья — я отдыхал, ходил по магазинам и повышал свои навыки в части культуры. А точнее — поискал самые цитируемые фильмы из классики кинематографа и посмотрел парочку из них.

Первой — фантастическую комедию, напоминающую какую-то позднесоветскую, о том, как москвич-крепостной, работающий инженером, а также молодой кавказский мещанин встретили на улице странного дедка, который телепортировал их на пустынную планету. На этой планете царил форменный коммунизм — всё было общее, все были равны, а чтобы казаться ещё равнее, должны были ежедневно обмениваться штанами — фиолетовыми, жёлтыми, серыми и так далее. Я плохо помнил сюжет аналогичной картины из Основного Пучка реальностей, но там всё было несколько по-другому. Видимо, здесь у режиссёра была совсем другая задача — очернить социалистический строй, а не капиталистический.

Второй фильм — «Они сражались за родину», про какой-то очень драматичный эпизод третьей русско-японской войны, которую здесь иногда называли Мировой. Русская армия отступала через тропический лес, а сверху огнём поливали вертолёты: не то норвежские, не то турецкие. Пришлось почитать энциклопедию: там выяснилось, что норвежцы вместе с англичанами вступили в войну на стороне Японии и открыли против России второй, северо-западный фронт. А после подтянулась и увядающая Османская Империя с Итальянской Республикой. Франция и Австро-Венгерский Союз Европы, бывший тогда социалистическим и покрывавшим половину континента, долгое время оставались нейтральными, хотя активно снабжали Норвегию и Англию вооружением.

Переломом войны стало вступление на стороне России крупнейшей страны Западного Полушария — Луизианы, а затем Кастилии и Персии. Они окончательно добились Османскую Империю, разгромили Норвежский флот, а после вступления в войну Австро-Венгрии заставили Норвегию откатиться до прежних границ. Война на Востоке с Японией, тем не менее, продолжалась после сорок пятого ещё целых два года, и лишь поддержка Луизианы заставила страны подписать мирный договор, по которому Камчатка и Уссурийский край оставались за Японией. Владивосток затем вернули, оставив до него узкий коридор с железной дорогой.

Увы, Японская империя до сих пор оставалась в этом мире сильной, и если какая-то Холодная война и продолжалась — то с нею, а не с кем-то из Запада. И к девяностым Россия эту войну проиграла — пусть и не с такими страшными последствиями, как во многих мирах Основного Пучка. И сейчас, после того, как Империя вновь начинала крепнуть, раскручивался новый её виток — в основном, в оставшихся колониях.

Уже не терпелось поближе повидать мир, который получился после всех этих войн и конфликтов. И я чувствовал, что это всё предстоит очень скоро.

Помимо прочего, я получил вполне ожидаемое сообщение от «Единорогов»: «Что, получил подарочек?», на которое отвечать не стал. Ещё пообщаться с Нинель Кирилловной — разговор вышел достаточно бессмысленный, обменивались картинками из сети, обсуждали любимые блюда.

Вторая неделя курсов пролетела куда быстрее первой. В первый день Алла, видимо, после произошедшего в такси слегка сторонила меня. Удивительно, но даже такая отвязная девица может быть склонна к стеснительности. Честно говоря, она меня, конечно, продолжала интересоваться, но куда больше интересовала как инструмент по раскрытию навыка. Вечером она всё же решилась и снова поехала со мной.

— Сама рассказала, что вас родители знакомить пытались, правда, да?! — тут же начала она. — И чо вы, и чо? Она подробности не рассказала.

— Ничего, — сказал я, но потом всё же добавил. — Ну... инсценировали половой акт, чтобы поскорее закончить эту нелепицу.

— Реально?! И как, и что вы делали?

— Трясли стол и стонали, конечно же.

Алла слегка разочарованно хмыкнула.

— Могли бы уже и по-настоящему. Красивая она, необычная. Чего ты её не?..

— Ну, ты тоже красивая, — сказал я, хоть это прозвучало не очень уместно.

— Кстати, про пятницу... Мне стыдно, реально, такого больше не повторится. Серьёзно.

Я не стал уточнять, что именно «не повторится» — поцелуй или странные ощущения после него, которые мне показались. Решил, что тайны лучше приберечь.

Вместо этого осторожно взял за локоть и потянулся к лицу. Она положила руку мне на губы.

— Не надо. Правда. Мы - будущие коллеги, ну зачем, реально.

— А мне понравилось, на самом деле. Ничего такого стрёмного в том, что коллеги, не вижу.

— Не стоит, правда.

Она выглядела даже испуганной, и я решил не настаивать. Рассказал о том, что приобрёл ещё одного крепостного.

— Да ты, вообще, богач, я же говорю. Я вот думаю свою гувернантку продать... На половину квартиры хватит, остальное — в кредит. Может, купишь?

— Нет, спасибо. Да и деньги на другое нужны. Предложи кому-нибудь другому с курса. Не боишься в долги влезать?

— А кто не боится? Ну, может, потом мужика богатого найду, заплатит. Хотя — за деньги встречаться так себе. Наверное, я бы не смогла.

Я кивнул.

— И не надо. Сейчас заявки курьерские выполним и заработаем миллионы.

Мы посмеялись. Я был рад, что сохраняются хорошие отношения. Это было моё преимущество перед ровесниками: в этом возрасте многие любят жечь мосты после первого отказа и объяснять всё «френдозоной», как звалось это в одном из прошлых миров. Хотя на самом деле чаще всего эта френдозона лишь в голове у парня. Я чувствовал, что определённая химия всё равно оставалась, и всё, чего мне хотелось, ещё могло произойти.

Тем вечером меня у дома снова ждали гости — навестила строгая пожилая дама, представитель Дворянского Дома.

— Отдел опекунства и контроля по продажам несовершеннолетних, — тыкнула она мне в морду ксивой. — Вы подтверждаете, что приобрели данного крепостного — Ростислава Макшеина — без давления со стороны предыдущего владельца или кого-то из родственников?

Я изучил документ, затем кивнул.

— Подтверждаю.

— Хм. Жильё предоставлено? — она взглядела в участок.

— Нет, собираемся строить, — включился в разговор подошедший Сид.

— Вас, мужчина, не спрашивала. Итак, сударь, жильё по месту пребывания помещика не предоставлено?

— Пока нет, — согласился я.

— В таком случае оставляем статус опекунства на родственнице, Аделаиде Максимовой Макшеин. Ей же будет перечисляться половина дотаций. За местом жительства проследим. Следующая проверка — через полгода. Подпишите согласие.

Она быстро показала какой-то документ на своём планшете, затем потянулась к мобильнику, который я держал в руке. Я приложил угол телефона. Что ж, минус десять рублей — с одной стороны, их можно было откладывать на жильё, с другой — парню они были куда нужнее.

Во вторник изучали на географии Африку и Австралию. Если с первой было всё более-менее понятно, и история её колонизации была достаточно знакомой, за исключением участия в ней России — то со второй творилась форменная чушь.

Во всех мирах, в которых я до этого побывал, Австралия либо была англоязычной, либо делилась между Британией и какой-нибудь другой европейской страной. Здесь же климат был другой, а государств и территорий было около пятнадцати, причём две из областей были российскими. Также Иван Иванович особо отметил Землю Обетованную — территорию евреев, переселившихся из Европы после революций в Австро-Венгрии и гонений в Баварии. Было несколько независимых республик аборигенов, доставшихся в наследство от социалистов, но все страны располагались по краям материка и по берегам небольшого внутреннего моря. Вся центральная часть помечалась как «спорная» и была чем-то вроде terra incognita — и это в двадцатом веке!

Этим же вечером я пошёл в тренажёрку — никакой жести в этот раз не было, разминка и несколько простых тренировок. Да и восстановиться требовалось после произошедших приключений. Сергей Сергеевич спросил в конце:

— Ты чего, дворянин, на такси катаешься? Права негде купить?

— Купить? Я думал сдать экзамен. Водить я умею.

В итоге он дал мне контакты знакомого из жандармерии, с которым я смог созвониться на следующий день после занятий. Я терпеть не мог давать взятки и был рад, что всё разрешилось без них:

— Ближайшее свободное место для экзамена — через неделю. Теория, в этот же день практика. Записывать?

Я записался. Всю последующую ночь я освежал в голове правила и учил местные знаки, зарисовав их на большом листке бумаги. В четверг после всех занятий снова приходил сенс-нейропрограммист, и помимо конспектов с курсов я просмотрел ещё и листок со своими пометками.

— Хм, — нейропрограммист посмотрел с укоризной. — Вообще-то мы сейчас не это учим, но если нужно...

Новые правила вождения теперь накрепко отпечатались у меня в голове. Как и основной, изученный на курсах материал.

В пятницу утром были очередные встречи по развитию навыка. В первую же минуту преподаватель взял мою руку и уколол меня иглой в палец.

— Ай! Что за фигня? — я отдёрнул руку.

— Есть гипотеза, что ваш первый навык — совсем другой. Не артефактное матрицирование. Я изучил краткую выписку из досье ваших родственников: ваша бабушка была лекарем. Сконцентрируйтесь на ране и попробуйте остановить кровотечение. Представить, как располагаются заживляемые ткани, и прочее — думаю, у вас была практика в университете.

Конечно же, ни о какой практике по заживлению ран я не помнил. Из подушечки пальца стекала небольшая капля крови. Я смазал её большим пальцем, сконцентрировался, вгляделся в отверстие. В голове возникла мелодия, тихая, спокойная. Следующая капля крови выделилась уже чуть меньше и медленнее, а третьей не было вовсе.

— Мне кажется, дело в хорошей сворачиваемости крови, и ни в чём больше, — резюмировал я.

— Возможно. Но рекомендую наблюдать и за этим видом способности. Теперь перейдём к артефактному матрицированию.

На этот раз схема была чуть сложнее и больше, чем в первый раз. Всю неделю я пытался найти и запомнить ту самую мелодию, которая подходила под «включение» навыка — но так и не нашёл её. Вспомнил и мелодию, которая отпирала ворота в подземном паркинге, когда я убегал из поместья контр-адмирала, и она тоже не сработала.

— Вы очень мощно заблокированы чем-то, — сделал вывод преподаватель. — Вы работали над получением новых эмоций?

— О да. Работал. Ещё как работал.

— Мой вам совет, — преподаватель перешёл на полушёпот. — Напроситесь в парную командировку с кем-то из девушек-коллег. Все неженатые молодые сотрудники Курьерки ездили в подобные командировки.

— Если, конечно, я успешно закончу стажировку.

— Если, конечно, закончите стажировку, — кивнул преподаватель.

Экзамены этим же вечером — теоретически и практический, на котором нужно было составить логистический маршрут и написать отчёт, я сдал на отлично. В конце вечера состоялось торжественное фотографирование и оглашение результатов.

— Расторгуева Алла Петровна — принята. Елхидер Самира Омеровна — принята. Циммер Эльдар Матвеевич — принят. Мамонтов Лукьян Гаврилович — принят. Коскинен Тукай Микаэлевич...

В итоге, из всего курса не приняты оказались двое — один из них появлялся на занятиях всего два раза, а второй по несчастью заболел именно в день экзамена.

Я зашёл на портал курьерской службы. Теперь я просто был «стажёр», без «новичка», и добавился статус «отличник»:

«Циммеръ Эльдаръ Матвеевичъ. Подпоручикъ. Рангъ: стажёръ. Рейтингъ: 5,0 балловъ. Выполненных поручений: 2. Заработано премиальных: 150 руб. Характеристики: учтивый (1), скоростной (1), приятный собеседникъ (1), отличник (1)».

Поручений стало почему-то два, зайдя в список, я обнаружил там также «особое поручение — окончание курсов, успешная сдача экзаменов».

— Кто-то обещал проставиться? — подошёл к нам Тукай. — Предлагаю культурно посидеть в кальян-баре. В десяти минутах отсюда, «Факир».

— Я не курю! — нахмурился Мамонтов.

— Я тоже, — сообщил я. — Но посидеть не против.

Честно говоря, я соскучился по вот этим вот вечерним прогулкам толпой по столичным улицам. Одновременное и чувство безопасности, и чувство единства. Осталась меньше половины группы — большинство было иногородних, и они поспешили на самолёты и поезда.

В дороге у меня зазвонил телефон. Номер не определился.

— Слышал, что заканчиваешь курсы, — услышал я голос отца. — От Эрнеста новости пришли. Похвально. Деньги за учёбу в университете вернулись, но перечислю тебе их только, когда пройдёшь испытательный, как и договаривались.

— Спасибо, — кивнул я. — Всё правильно.

В этот раз, судя по голосу, он был более удовлетворённым.

— Ещё... Эрнест спросил ещё раз про одну записную книжку. Я верно понимаю, что тут нет поводов для беспокойства?

— Нет никаких поводов. Нет ничего такого, что могло бы повредить твоей репутации.

— Рад слышать. Как... сам-то? Женщины?

— В работе, — кивнул я.

— Мне кажется, ты реально изменился. Ладно, время. Созвонимся.

— Увидимся, — кивнул я, хотя в последнем не был сам уверен.

Шедшая рядом Алла подслушала и спросила:

— Кто это? Так строго говорил. Как с мафиози каким-то!

— Так и есть, — засмеялся я. — С мафиози!

Когда сели — говорили о всяком. Лукьян сначала чувствовал себя некомфортно и привычно пытался перевести тему на хвастовство, пытался рассказывать о семейном бизнесе, но центром внимания оказался Тукай Коскинен. Долго беседовали о мобильных и компьютерных технологиях и обменивались контактами.

— Циммер... — вдруг обратился ко мне Тукай. — Расскажи, почему ваши мобильники так плохо записывают видео?

— Вопросы к моей тётке, полагаю. Хотя она там уже больше как консультант.

— Отличный бренд. Жаль, что распространены только в Уральской Сети.

— Слушайте, я задам тупой вопрос — а почему до сих пор нет глобальной мировой вычислительной сети? Рихтеры и мобильная связь так давно развиваются, разве сложно пробросить оптический кабель?

— Какой кабель? — нахмурился Тукай. — Не, это никто не озвучивает, но мировая сеть есть. По крайней мере, континентальная, от Европейского полуострова до Монголии. Письма же как-то пересылаются, пусть и с огромной задержкой. Только рядовым пользователям в неё вход заблокирован — используется только для банковских операций, переписки спецслужб, связи между аэропортами и так далее.

— Отец часто говорил, что ему поступил прямой звонок из ведомства внутренних дел, — сказала Самира. — Когда он был консулом в Кейптауне. До сих пор не понимаю, как это было сделано.

Я вспомнил о том, как отец мне звонил с другого континента, как я понял — из Антарктиды, но промолчал про это.

— Во-первых, есть спутники, а во-вторых, артефакторные коммутаторы, — сказал тот сорокалетний парень. — Матрицированные, с квантовой связью. У меня знакомый видел их партию, заказывали губернские министерства. Нам всем их тоже предстоит возить, ребята. Вот увидите.

— А я думал, нам чаще всего придётся возить электрические удовлетворители для одиноких графинь! — сострила Алла.

Компания, за исключением Лукьяна, дружно засмеялась. Я так и не понял — был ли это экспромт, или она могла реально откуда-то узнать о нашем заказе. Неожиданно с соседнего столика поднялось двое парней: азиаты, толстые, похожие на бойцов сумо, в лёгких безрукавках.

— Можете тише, не? Из-за вас вообще не слышно.

— Идите нахрен, наши мальчики сейчас вам наваляют! — сказала Алла и подмигнула мне.

— Ты кого нахрен послала, шкура? Я - японец, — жирдяй пошёл к ней и Самире прямо через ряды топчанов, едва не сметая всё на своём пути.

«Вот же дрянь», - подумалось мне. Я встал, закрывая проход, рядом встал Тукай.

— Парень, мы не хотим неприятностей. Я - дворянин, у меня ствол, — я осторожно показал кобуру под формой. — Давайте просто дальше спокойно отдыхать.

— А у меня тоже ствол, — второй японец достал из-за пазухи старинный пистолет с вензелями. — А ну убрались нахрен из зала!

— Мо дзикан-гха киратэ имас! — рывкнул Тукай, прыгая на скамейку, стоящую у стены.

«Ещё одна заварушка», - мысленно выругался я. А так хорошо сидели!

Глава 3

В полёте Тукай оттолкнулся, схватил за руку первого японца, крутанул, приземлил на топчан. Я перехватил за запястье, болевым приёмом ухватил и прижал второго. Весу в нём было вдвое больше, чем у меня, но вот мышц — не сильно больше. Следом за него навалилась ещё пара наших человек.

Народ поспешно убегал из зала. Поняв, что моей помощи уже не требуется, я выхватил пистолет и пошёл вперёд, взял на прицел второго, но этого не потребовалось. Тукай, в которого целился второй, обогнул его по дуге и словно в полёте выбил ствол из его руки, попытался врезать по локтю. Японец развернулся ко мне спиной и шагнул в сторону упавшего пистолета. Я подбежал сзади и со всей силы вмазал под колено ногой, заставляя согнуться, а второй ногой наступил на его пистолет, который лежал на полу.

Следом, с запозданием, завизжала Самира. Звук был настолько сильный, что я сначала подумал, что это какая-то специальная сирена. И уже после того, как прижался к полу, сию секунду заткнув уши и едва не выронив пистолет из рук, вспомнил, где слышал это раньше.

Крик прекратился через секунд двадцать. Звон в ушах — через минуты две. Уже прибежали официанты с охранниками, уже отползали побитые японцы, а звук все еще стоял в ушах, а внутренности выворачивало, словно от отравления.

— Я чуть не обделался, — признался Тукай, поднимаясь с пола. — Сабина, шикарный навык.

— Моя бабушка так спасалась от львов и гиен, когда приходилось заблудиться в саванне, — потупив взор, призналась негритянка. — Простите, что попали под... забыла выражение...

— Дружественный огонь, — проворчал Лукьян и удалился — по-видимому, в уборную.

Возвращались поздно, в этот раз я употребил не так много спиртного, да и Алла тоже. Но я в шутку предложил:

— Может, ко мне заедешь? Посмотришь, как живу.

— Хочешь, чтобы я тебе, холостяку, посуду перемыла? — фыркнула она. — И не надейся!

— У меня всё вымыто. И почти нет беспорядка.

— Ну, погнажи. Но приставать будешь если — у меня топор в сумочке!

Не став задаваться вопросом о том, как топор мог поместиться в такой крохотной сумке, я кивнул. Алла комментировала коротко и вполне ожидаемо для первого визита, вроде: "О, симпатичные ворота", "Я думала, домик больше", "А это что, абрикосы? Когда успел?"

Сид выглянул в окошко ненадолго, но тут же с пониманием кивнул и спрятался за шторкой.

Войдя в дом, Алла по-хозяйски плюхнулась на диван перед столом с рихнером и заявила:

— Ну, развлекай меня. Можем что-то посмотреть.

— Пожрать приготовить — развлеку, — не менее нагло заявил я. — А то я в ваших кальянных не наелся.

— До чего ж вы все, мужики, одинаковые! — нахмурилась Алла и зашагала, как я сначала подумал, к выходу, но внезапно полезла в шкаф и начала изучать его содержимое. Выудила крупы, полуфабрикаты, поставила воду кипятиться.

— Музлю хотя б включил какое-нибудь, скучно ж. Лучше французское.

"Музыкальный проигрыватель Московской рихнер-сети" первым в списке подсунул мне французский кавер Егора Летова. "Моя Оборона" на языке Дюма звучала более чем необычно, а следом обнаружилась ещё куча других перепевок русских песен на французском. Удивительно, но Алка их узнала и подпевала.

А вот готовила она отвратительно. Хрючево, которое приготовилось в итоге, было чем-то средним между макаронами по-флотски и странным жаркое.

— Ну, как, как?

Прожевавшись, я ответил:

— Могла бы хоть специи попросить, я покупал какие-то. Но, спасибо, сойдёт.

— Да ну тебя! — насупилась она. — Сейчас возьму и уйду, блин.

— Поешь хоть сначала.

— Хам! В общем, я фильм выбираю. Будем смотреть "Теорию большого коллапса", новый сезон.

История рассказывала о молодых гиках из Луизианы, один из которых был сенсом, второй — закомплексованным физиком-ученым, третий — конструктором орбитальных дисколётов, а четвёртый — тонмаори, аборигеном Антарктиды.

Ну, и, конечно, грудастая глуповатая блондинка из провинции. Где-то уже я этот сюжет видел.

В первой серии рассказывалось об аварии на атомной станции. Возникла “опасность размыкания ядерного цикла”, и один из героев поспешил на помощь. Далее показали “ядерный реактор”, и сначала у меня возникла мысль, что это какая-то шутка или фантастика. Но по серьёзному обсуждению персонажей я понял, что это не так. Реактор представлял собой огромную цистерну в стерильном зале с кучей труб, вокруг которой хороводом стояли люди.

«Не просто люди — сенсы», — понял я. Цистерна была раскалена докрасна, и источником энергии была сила этих людей. «Точнее, вторичным источником», — вспомнилось мне — эти люди могли транслировать магическую энергию из тех самых месторождений, которые я видел за сожжённой карте, и передавать её для разогрева топлива. А дальше — как в обычном реакторе-кипятильнике. Турбина, тепло-механическое преобразование энергии, генератор...

Я встречал и раньше подмену понятий, к примеру, в одном мире весь интернет назывался “Социальной сетью”, а социальная сеть — “межличностной паутиной”. Но чтобы ядерную энергетику подменяли магией!

“Ты должен замкнуть цикл, — сказал один персонаж другому. — Давай, Шелдон, ты же столько лет учился этому, не очкуй!” И, разумеется, у главного героя всё успешно получилось.

— Ты что так смотришь, как будто первый раз увидел? — вперила в меня взгляд Алка. — Слушай, знаешь, кого ты мне напоминаешь. Пришелеца. Да, вот прямо именно такой пришелец.

Она вдруг вскочила с дивана и подошла обратно к кухонной зоне.

— Например, именно пришелец вот таким образом открывает пакеты с крупой. Там же застёжка есть специальная! Это с детства все знают! Что за фигня! Потом... Зачем ты закрыл салфеткой экран сверху и клавиатуру? Вот нафига?

— Чтобы не пылились, — пожал я плечами. — Я думал, что все так делают.

— Так в комедиях про бабушек делают! Где ты их взял-то, салфетки такие?

— В магазине. Не помню, как назывался отдел, кажется... “Базилевс”.

— Они вообще-то для домашних питомцев! Чтобы фотосессии устраивать. Хорошо, а вот это вот что?

— На рабочем столе — ни одной игры. Ни одной, блин, порнушки скаченной!

— Есть несколько. Однокурсник подогнал, — признался я. — Правда, я не смотрел ещё. Знаешь, предпочитаю живую.

С этими словами я поднялся и подошёл к ней. Обнял за талию и взял за руку.

— А вот это вот что такое... — она на миг дёрнулась, но затем указала на свёрнутые аккуратными рулонами носки, лежащие на специальном поддоне в углу.

— Поддон для носков. Мне кажется, в каждом доме он есть.

Она осторожно развернулась в моих объятиях.

— Хрен с ним, с поддоном. Впервые слышу про такое. У тебя носки не разбросаны по дому! Это, блин, ненормально!

— Так и есть, я - проклятый зелёный инопланетянин.

Я поцеловал в губы — вышло слишком коротко, она ответила, но тут же вывернулась и сказала.

— Блин! Ну, ты классный такой. Я боюсь всё испортить. Ну, зачем так всё сразу, а? Тем более, у тебя там краля есть какая-то.

— Забудь уже про неё, — я снова заключил в объятия и стал осторожно, ненавязчиво стаскивать блузку со спины.

— Да никакой ты не девственник. Вон, какой смелый! Наглый даже. Не, ну, я не могу сегодня. Правда. По причине здоровья, и к тому же...

Она сделала паузу. Эту причину я мог принять — заниматься любовью в период соответствующих дней календаря я не любил. Но была ещё какая-то причина.

— К тому же — что? У тебя есть какая-то особенность, за которую ты переживаешь? Не бойся, у нас у всех есть тайны. Я могу хранить секреты. Это касается... твоего навыка?

— Не навыка. Порока.

Она сложила руки на груди и окончательно ушла в “закрытую позу”. Я понимал, что всё делал правильно, просто этот тот самый один случай из ста, когда действительно “дело в ней”.

— Порок... силы?

— Пожалуйста, не говори, что ты не знаешь, я не хочу это озвучивать, — продолжила она.

Пороки навыков или пороки силы — я уже встречал где-то такое в энциклопедиях, и на лекциях что-то говорилось об этом. Запомнил, что такое бывает у одного сенса из тысячи, и чуть чаще — в крупных городах, где дворянские рода склонны к близкородственному скрещиванию. Теперь неожиданно всё встало на свои места. Я вспомнил произошедшее у баронессы и тот странный холодный поцелуй в машине. Это был не навык — нельзя назвать навыком то, что неподвластно воле, поэтому должно было быть какое-то другое слово.

— Я понимаю. Проявляется спонтанно и неосознанно.

— Не слышала слово “спонтанно”. В общем, когда я возбуждена. Или когда... в общем, кто-то нравится. Один раз в школе, в старших классах было. Насмерть никого не замораживала, но обморожение мальчик получил. Меня и из вуза выперли за это всё — я вместо матрицы там всё переморозила. Это бабка всё. На троюродном дядьке жената была.

— Но ты же встречалась с кем-то?

— Он мне вообще не нравился! Ни капли! Я, как дура, последняя, из-за денег, думала, стерпится-слюбится. А он мне ещё и изменил, козёл. А с тобой что-то вот... зацепило.

— Иди сюда, — я снова её обнял и погладил по голове. — Ну, не получилось — и не получилось.

После некоторого времени, когда она успокоилась, я всё же продолжил:

— Давай хоть посмотрю на тебя.

Моя рука снова полезла к блузке.

— Да там не на что смотреть, на самом деле, размер никакой, — призналась Алка.

Раздеть по пояс мне её всё же удалось. Но этим, а также рядом тактильных ощущений в этот вечер всё ограничилось.

Конечно, так она показалась мне ещё более красивой, изящной и желанной. Нет ни одной двадцатилетней девушки, которая хотя бы минимально следит за собой, которая бы не выглядела красивой, если её раздеть. Если кто-то говорит, что ему не нравится тот или иной размер женских прелестей, или тот или иной вид фигуры, или отталкивает какой-то мелкий недостаток — он или лукавит, или не разбирается в женщинах, или в плену какой-то глупой фантазии и ограничений. Я не принадлежал ни к одной из этих категорий, хотя след влюблённости моего реципиента, конечно, давал о себе знать.

Конечно, Нинель Кирилловна объективнее куда краше и желанней. Задачу выбора упростило то, что все последние дни тайная любовь Эльдара Циммера общалась со мной сухо и без особого интереса.

После Алла заторопилась и засобиралась домой — я вызвал такси и посадил. В выходные я отдыхал, занимался физподготовкой, ездил по магазинам, устанавливал систему гидропоники для полива саженцев, а затем вместе смотрели сериалы с Сидом и Софией в их домике. Возможно, можно было провести время ещё продуктивнее, но следовало отдохнуть. Впереди был достаточно ответственный день — мой первый рабочий день.

На календаре было четырнадцатое марта. Сид закинул меня в офис рано утром, по дороге на подработку. Из галантных соображений я решил спросить Аллу, не подвезти ли её, но она не ответила — как после выяснилось, безбожно проспала. Офис оказался пустым, лишь суровая бухгалтерша молча играла в свою игру, а кадровичка, персонал-референт Луиза Максимовна, выглянула из комнаты и принесла подписывать кучу бумаг. К десяти часам офис ожил. Пришёл Лукьян, и чуть позже Алла, пришёл уже знакомый небритый Андрон и, наконец, начальник — Корней Константинович.

— Ага, молодые бойцы! Свежее пушечное мясо. Как вам, понравились задания на курсах?

— Очень! — признался я. — Чудесное задание.

Начальник подмигнул.

— Видел, чаевые вы получили приличные. Значит, баронесса была удовлетворена... Помнишь, Андрон, жену контр-адмирала?

— Не напоминай! — крикнул небритый. — Я потом с женой два дня не разговаривал. Стыдно было.

— Ладно. Мы клиентов не обсуждаем. Табу. Итак, сегодня будете отдуваться за всех. По три заявки на каждого в ближнем Подмоскowie. Завтра-послезавтра — возьмёте по одной в ближайшие губернии. А на следующей неделе — дальняя командировка, рекомендую подготовиться и закрыть все дела.

Ну, мы и отдувались. Благо, за такси теперь платить не приходилось — платила контора. У Особого отдела был заключён контракт с одним из государственных таксопарков, и всё было несколько быстрее, чем я себе представлял.

— Ну, здравствуй, барь, сегодня, я в твоём распоряжении, — пожал руку водитель, бородастый крепкий крепостной, служивший в случае чего также грузчиком. — Можно на ты?

— Я сегодня добрый.

Первый заказ — из Звенигорода в Климовск.

“Стажёрская доставка. Произведение искусства (не особ.), ценность товара — 125 рублей. Оплата произведена. Наименование — “Японская средневековая статуя “Тоторо”, Габариты... Вес - 10 кг. Доставку производить: Циммерь Э.М., грузчик 2307. Премияльные за доставку - 0 рублей”.

Забирали из антикварной лавки. Мой водила всё сделал за меня, я только следил за тем, насколько он аккуратно несёт коробку. Затем — уже знакомая трасса “Дворянский Путь”, снова район вилл, звонки, ожидание у входа. Получателем оказался молодой парень, который ещё и сам помог разгрузиться. В конце сунул в руки купюру пятьдесят копеек — сумму вполне ощутимую.

— Ты новичок же, барь? — осторожно спросил по дороге на следующую точку водитель. — На курсах вряд ли говорили. Просто... обычно делятся, если наличкой.

— В какой пропорции?

— Ну, поровну.

Я подозревал, что так и есть, но решил перепроверить.

— Сейчас уточню.

Корнею Кучину звонить не стал, а позвонил Андрону, чей телефон успешно записал. Тот сказал, что обычно забирает себе чуть больше, но вообще — действительно, поровну. Делать нечего, пришлось поделиться.

Второй заказ оказался чуть сложнее — от склада в Успенском, который был через дорогу с офисом, почти в самый центр Москвы.

“Стажёрская доставка. Особый предмет, ценность товара — 305 рублей. Оплата не произведена. Наименование — “Аккумулятор силы базовый учебный “Батарея-Янтарь-3, камнерезная мастерская Соколова”, 3 Кейта, Весь - 0,1 кг. Доставку производить: Циммерь Э.М., грузчик 2307. Адрес — Проспект Университетский, 3, Московский Имперский Университет, Камнерезный факультет номер два, кафедра матрицирования., получатель, Премияльные за доставку - 0 рублей. ”

Я уже знал из курсов, что сила сенситивной энергии измерялась в Кейтах, в честь одного из очень известных российских сенситивов и теоретиков, который, как я тайно предполагал, был одним из основателей Общества. Всё, что свыше десяти Кейтов, полагалось перевозить тремя людьми, двое из которых были вооружены, и хотя бы один был опытным сенсом. Здесь процедура была чуть проще, хотя всё равно мне предстоял весьма непростой квест по выдаче Особого предмета.

Перешёл через дорогу в складской комплекс, не с первого раза нашёл нужный подъезд. Десяток дверей, лестниц и коридоров, ведущих в бункеры, две проверки документов, изъятие всех личных вещей, включая кольцо и цепочку, выдача временного пропуска, в конце — одна быстрая проверка сознания ведущим кладовщиком. Наконец, меня впустили в комнату ожидания, где после пяти минут выдали металлическую коробку, на которой стояла наклейка “ВЕРНУТЬ ТАРУ”, которую я положил в сумку. Дальше — всё в обратной последовательности, из здания до такси сопровождал поручик.

— Особое? — спросил водителя.

Я не ответил. Даже через чехол я чувствовал лёгкое жжение и покалывание в пальцах. Чуть позже я прочитал и вспомнил, что три Кейта — сила, которая может перенести килограмм на три метра. Или три грамма на километр. Или передавать информацию в цифровом виде за сотню километров в течение недели. Может на несколько секунд загипнотизировать толпу в двести-триста человек или вылечить пару-тройку небольших ран. Но пока что мне достаточно было, чтобы понять — простым смертным лучше не знать всего этого.

Мы тащились по московским пробкам добрые полтора часа. Водитель ворчал, мол, не могут московские заказывать со своих складов, всё подмосковное отделение напрягают.

Парковка у огромного здания с остроконечным шпилем и фальш-башенками, похожими на древнерусские теремки. Снова поиск подъезда, пропускной режим, затем — звонок получателю, чтобы узнать номер кабинета. А дальше я нырнул в шумный студенческий коридор.

Я попал на перемену. Меня окружали стайки сочных, и, как на подбор, красивых студентов. Задним числом я вспомнил, что “Факультетом номер 2” несколько по-шовинистически нумеровались женские версии факультетов, которые в большинстве вузов разделялись по гендерному признаку. Девушки всех сортов, рас и внешности теребили пуговицы на блузках, строили глазки, краснели, а самые бойкие кричали мне вслед.

— Эй, красавчик!

— Вау, смотри, мальчик-подпоручик.

— Такой милый, я бы ему...

— М-м, парень в форме.

— А давай его затащим в туалет и оттрахаем, Света?

— Эй, малыш, покажи пистолет! Ха-ха!

— Давай у него сумку отберём?

— Как тебя зовут?

— Телефон! Запиши телефон!

— Иди сюда, обними нас!

По мере того, как меня замечало всё больше и больше студенток, толпа приходила в действие. Мне одновременно хотелось остановиться и пообщаться, позволить себя потрогать и разрешить себе прикоснуться к этой красоте. Одновременно — мне хотелось вытащить из кобуры пистолет. Я знал, что женская толпа иногда может быть куда более хищной, опасной и непредсказуемой, чем толпа мужчин. Мне сунули в руки пару записок, одна крупная, спортивная девушка встала прямо на моём пути и потянулась, попыталась схватить мою руку, чтобы положить себе под юбку, но тут раздался громкий свисток.

— А ну свалили все! — рявкнул хриплый женский голос.

Заведующая кафедрой оказалась чем-то похожей на мою тётку — наверное, все артефакторы под шестьдесят похожи друг на друга. Расчёт — на специальный электронный кошелёк, который мне выдали в начале смены.

— Ты уж прости этих дур, милоч, молодые они все, весна — мужика хотят, как кошки. Счастливой службы.

— Приятной работы, — кивнул я. — Спасибо, что пользуетесь Императорской Курьерской Службой!

На обратном пути девушек было мало, но одна из задержавшихся подбежала и сунула мне в руки клочок бумаги с телефоном, который я потом благополучно потерял. «Нет уж, невозможно спасти всех бездомных котят — на это у меня не хватит сил», — подумалось мне. Дальше — поездка обратно за МКАД, жадное поглощение шаурмы в уличной забегаловке, и новый заказ.

На следующий день — примерно всё то же самое, только ехать пришлось от самого нашего склада в Тверь. В общем, всю первую неделю на нас троих ездили, как на бессмертных пони.

Особый предмет возил после ещё всего один раз, всё остальное — предметы искусства и какие-то документы. Иногда клиенты поили чаем и беседовали на тему политики, искусства и театра. Пару раз — орали, ругались на ошибки в заказе, из них один раз угрожали оружием. Лукьян начисто потерял всю былую спесь, ходил поникший и опустошённый. Спросил, в чём дело — оказалось, что повредил дорогую картину, и придётся доплачивать штрафные с премии. Алла никак, кроме как матом, в сети не общалась, а живьём в офисе пересекались всего пару часов. Я до сих пор не очень понимал, пара - мы или нет, но добиться своего мне хотелось. На предложение встретиться в четверг, когда день был чуть полегче, ответила отказом.

— Эльдарчик, устала адски — мне нужно скататься к родителям. Давай завтра?

— Вот чёрт, — хлопнул я себя по лбу. — У меня завтра экзамены!

— Ну, тогда в выходные, — грустно сказала она.

Экзамен по теории я сдал, а по практике — безбожно провалил, не справившись со слегка непривычным управлением. Пришлось отложить на потом.

В конце недели в моей учётной записи значились весьма приятные значения:

“Циммеръ Эльдаръ Матвеевичъ. Подпоручикъ. Рангъ: стажёръ. Рейтингъ: 4,9 балловъ. Выполненныхъ поручений: 14. Заработано премиальных: 171 руб. Характеристики: учтивый (7), скоростной (3), приятный собеседникъ (4), отличникъ (5), удачный выборъ места (1)”.

Я приготовился к безмятежным выходным, но в девять утра субботы был разбужен звонком от Корнея Константиновича.

— Спишь? Не спи. Собирайся и дуй в офис. Срочная командировка сегодня, через пять часов.

Глава 4

— Один? — спросил я.

— Не один, конечно. О, кстати. У тебя комардин же есть. С водительскими правами, ты в анкете указывал. Буди его тоже, сейчас на шофёре и конвоире сэкономим. В тамошнем отделении Службы конские тарифы, да и людей мало — нечего их кормить. Полетите с Андроном втроём, он опытный.

Вопросов возникла куча.

— Куда хоть лететь? Как одеваться? Надолго? Где забирать?

— Эй-эй, притормози! Пока без обратного билета, но вряд ли дольше четырёх суток. Билеты в офисе выдадут, дежурный писарь уже закупил. Да, форму не забудь. И куртку потеплее, там сейчас минус один. На сборы — сорок минут, максимум — час, чтобы через полтора часа уже выехали в аэропорт.

— Охренеть, Корней Константинович, как мы успеем?

— Скажи спасибо, что я вам поспать дал! Я ещё не ложился.

В трубке раздались гудки. Растолкал Сиду, спешно собрали вещи. Форму сменную мне уже выдали, но она была свежестиранная, и пришлось затолкать мокрую в большие сумки. Видно было, что Сид недоволен и был ещё более ошарашен, чем я, но сдерживается. Когда уже ждали такси, принялся ворчать:

— Терпеть не могу, когда я не за рулём. Сейчас Софье придётся звонить, чтобы за домом проследила. А если дождей не будет? Абрикосы завянут. До сессии неделя осталась. Вот как что-то на выходные планировать? Не, барь, я, конечно, за любую движуху, но...

— Слушай, не возмущайся, а? У меня тут, между прочим, первый в текущей жизни секс сорвался. А тебе заплатят, и неплохо.

— Уж надеюсь. Первый в текущей, говоришь... А сколько хоть их у тебя было?

— Ну, тысячи. Десятки, может, сотни тысяч.

— Не, я не про это. Жизней?

Признаться, последние недели мы почти не обсуждали эту тему, и этот вопрос немного застал меня врасплох.

— Скажем так — больше двух. Помню — чуть больше двух. А так — наверное, больше.

— Хоть буддистом становись, ей богу... Ладно. Давай, присядем на дорожку. У вас же там в параллельных мирах такая традиция тоже есть?

— Есть.

Присели, погрузились и поехали. Утром в субботу трасса до офиса была пустая, домчались быстро. В дороге, пока Сид пытался дозвониться до своей девушки, а потом выслушивал ругань из трубки и пытался договориться, я вчитался в заявку.

«Стажёрская доставка. Категория: Особый предмет, сетевое оборудование, ценность товара — 4850 рублей (в томъ числе 750 руб. — доставка). Оплата произведена. Наименование — «Парный сенс-маршрутизатор „Блесна-4849е“, Габаритъ... Весъ — 4,5 кг. Доставку производитъ: Циммеръ Э.М. (+креп.), Холявко А.Ф. Премияльные за доставку — 0 рублей. Адрес — (скрыто). Командировка...»

В поле «Командировка» уже были указаны билеты в «дворянский класс» стоимостью 130 рублей, а также дополнительные расходы на транспорт, гостиницы и суточные — ещё шестьдесят рублей.

— Странно, — пробормотал я и показал Сиду. — Написано, что адрес скрыт.

— Может, этот твой Андрон знает? Это же тот самый парень, с которым я про музло два часа трындел?

— Тот самый.

Андрон уже был на месте, помятый и явно употребивший спиртного предыдущим вечером.

— А... Ты с музыкантом. Клёво. Привет, Сид. Ну, давайте. Заходите.

Выписал пропуск Сиду, впустил нас обоих. Офис был непривычно пуст, горела лишь пара потолочных ламп. Дежурным секретарём был студент-крепостной возрастом даже моложе, чем я. Но сделал работу тщательно и быстро: выдал кучу уже подготовленных бумаг.

— Прошу, судари...

— Где товар? — зевнув, спросил я.

Андрон тыкнул пальцем в землю.

— Шеф ночью привёз в подвал. Погнали. Одному не выдадут.

В подвале я за неделю был всего один раз и знал, что там есть своё крохотное хранилище-сейф, в которое складывают оособоценный груз. Спустившись по лестнице, в предбаннике я с удивлением обнаружил дежурного пристава, мирно дремлющего на тахте.

— Встать! — рявкнул Андрон и тут же извинился. — Прости... выдай нам.

Дальше следующей двери я ещё ни разу не проходил, но на этот раз подошёл. Сканер считал наши лица, затем мы коснулись пальцами датчиков.

Внутри оказалась бронированная, трижды экранированная комната с тремя пустыми полками.

— А где груз-то? — нахмурился я. — Пошли отсюда, ничего нет.

Сделал шаг вперёд — и только тогда увидел коробку. Чёрную, размером с чемоданчик, с пластиковой ручкой и гравировкой «БЛЕСНА». Коробка буквально выросла из воздуха на полке, словно фрактальный компьютерный рисунок, от краёв к центру, и стоило отклониться назад — снова исчезала, растворялась.

— Стоит как моя квартира, блин, — нахмурился Андрон и потрогал крышку. — Ясно, что «пугало» налепили, не поскупились. Терпеть не могу такие отправления.

Я взял коробку.

— Ну, четыре тысячи — это же не так много. Я не понимаю, почему обычными грузо-перевозками нельзя.

Андрон посмотрел на меня, вздёрнув бровь.

— Я думал, ты умнее. Про корсаров английских ничего в новостях не слышал, что ли? У них и вертолёты бывают. С тех пор, как на Груманте социалистическая клика. Половину Арктики кошмарят. Каждый рейс в Зеленогорье — как приключение.

— В Зеленогорье?!

— Ну... ты же видел в билетах — Новгород-Заморский. Летим обычным пассажирским.

Да, подумалось мне, географию надо бы подтянуть. Про Зеленогорье я помнил, что так называлась русская часть Гренландии. Вернее, две трети обширного архипелага, который раскинулся на севере западного полушария взамен привычного мне острова. Ещё одну треть, самую южную и плодородную, делили между собой враждебные Англия и Норвежская империя, а западная часть была независимой Русской Арктической Республикой, чьи владения простирались вплоть до самой Аляски. Ледяной щит здесь не то растаял ещё до нашей эры, не то и не существовал никогда, и в центре острова плескалось Внутризеленогорское, оно же Нутряное море.

Чемодан оказался сравнительно лёгким, и я даже подумал, что там стоит какая-то штука, уменьшающая его вес.

— Пойдём, — махнул рукой Андрон. — Таксист уже ждёт. Коробку несущ я, ты ещё наносишься.

Распрошались с секретарём, погрузились втроём в такси дворянского класса, которое уже ждало нас во дворе. Я покосился на Сиду — он выглядел куда более вдохновлённым, чем когда наша командировка начиналась.

— Ты чего такой довольный?

— Четыре рубля в день командировочных и сотня по окончании! — прошептал он. — И это, ты говоришь, за четыре дня. Я столько в месяц не зарабатывал ни разу.

— погоди радоваться, братишка, — усмехнулся Андрон с переднего сиденья. — Чую, приключений будет много.

— Как ты услышал?! — удивился мой комардин.

— А вот. Навык второй. Достаточно редкий. Почему, думаешь, я музыкой увлекаюсь — слух хороший. Ты стрелять умеешь?

— Умею, в колледже учили, но плохо. Топором хорошо рубить умею.

— Хорошо. Надеюсь, в аэропорту Новгорода-Заморского будет магазин топоров. Купим тебе. А заодно и куртку нормальную — ты, видать, в Арктику ни разу не катался.

— Я извиняюсь, баре, что вклиниваюсь, — подал голос водитель такси. — И прошу прощения, что подслушал вашу беседу. Но рискну заметить, все ужасы о Зеленогорье очень преувеличены. Очень. У меня там дядька живёт и двоюродная сестра с семьёй. Тишь да благодать! Яблони выращивают, сливы, даже виноград пытались. В теплицах. Я так думаю: это специально всё разгоняют, чтобы народ туда с большой земли не ехал. Потому что там земля дешёвая, у крепостных, я извинюсь, опять же — льготы. А то, что климат — так это привыкнуть можно.

— Где именно, любезный, ваши родственники пытаются выращивать виноград? — спросил Андрон.

— Рощино. Это Богдановская область.

— Как я понимаю, это южнее полярного круга, в сотне километров от столицы края?

— Ну да, там, правда, граница недалеко. Но с девяностых норвеги уже ни разу не стреляют, всё мирно.

— Понимаю. Действительно, виноград... Я вот работаю в Курьерке уже двенадцать лет и по своему опыту знаю, что такого рода грузы, как у нас, везут совсем не в Рощино, не в Новгород-Заморский и даже не в Черепановск.

— Север? — сочувственно вздохнул водитель. — Ну, тогда... Вас же трое. Этот — вон какой здоровый. Справитесь. Зато потом премия будет хорошая, ведь правильно?

— Посмотрим...

— Получается, даже ты не знаешь точного адреса? — спросил я вполголоса.

— Даже я. После отметки в офисе в Новгород-Заморском скажут, — ответил Андрон и устался в окно.

В «Видное» добрались быстро. Припарковались на особой стоянке и в терминал вошли через особый вход для курьеров и военных, предъявив пропуска. Лишь с Сидом вышла небольшая заминка — ему пришлось рыться в рюкзаке и показывать договор на гербовой бумаге.

— Ещё час, — сверился я с часами. — Перекусим?

Все согласились. В буфете подавали вкуснейшие пирожные, рулеты с красной рыбой и салаты в тарталетках, только вот вышло это всё в конские три рубля — половину моих дневных командировочных. Андрон посмеивался, потом сказал:

— Зачем налегаешь-то? Мы же в дворянском классе летим. Там два раза кормят. Ладно, мы в сортир. Сид, проводишь? Кстати, о чём мы говорили тогда... «И птицы победно упали в траву» — слышал группу?

Снова начался их разговор с перечислением совершенно-немыслимых названий групп и коллективов. Я безмятежно допивал кофе и достал телефон, чтобы написать Алле сообщение:

«Кошка моя, извини, не получится сегодня вечером ничего. Корней вызвал, командировка. Куда-то за океан. В Видном сижу».

Для убедительности скинул фотки буфета.

Ответ пришёл достаточно быстро.

«Вот дерьмо! А я так хотела...»

«Тоже очень хотел. Увидеться хотел. И тебя хотел. И хочу. Придётся подождать четыре — пять дней»

В ответ пришло две фотки. Бутылка вина с пробкой, повязанная красивой лентой — и бутылка вина без пробки с полным фужером и подписью «Когда онъ отмениль свидание». В тонкости местного сетевого юмора я ещё был не особо погружён, но грустный юмор мема оценил.

Я приготовился уже отправиться на поиски Сида и Андрона, как вдруг мне на плечо легла рука.

— Привет, Цим-циммер.

Рефлексы не подвели — я резко развернулся, хватаясь за кобуру. Это был не Игорь Антуанеску, но я узнал лицо. Евгений Анадырёв, он же Джон, он же Джек. Мой бывший однокурсник и заклятый враг. Высокий, худой блондин, почти альбинос. Он приобнял меня рукой, словно давнего приятеля, а его кулак метнулся мне под дых, но я ушёл вправо, удар соскочил вдоль бока и врезался в барную стойку.

— Но-но, тише, — проворчал бармен, даже не подняв глаза на нас.

Мы находились в самом углу зала, и я заметил, что это могло оказаться слепой зоной камер. Я высвободился из объятий этого иуды, перехватил руку и применил свой любимый боевой приём, заламывая руку и перегибая мизинец.

— Куда летишь, Женечка?

— Ах... ты охренел?! — сказал он, скрючиваясь и оседая. — Ты на кого руку поднял?

— На единорожку, ага. А ты поднял руку на стажёра-подпоручика особого отдела Курьерской Службы. Сейчас я позову жандармов аэропорта, чтобы он посадили тебя в карцер.

— Проблемы, барин?

К нам подскочил крепкий мужик-азиат, не то бурят, не то монгол, весь обвешанный сумками. Скинул одну на пол, потянул шефа на себя, затем неуклюже попытался схватить меня за плечо, чтобы я отпустил его хозяина. Но хозяин шикнул на своего носильщика.

— Отойди, Абрамид, не видишь, баре разговаривают! Я лечу в Зеленогорье! Отдыхать! На лыжах кататься. Знаешь, что такое лыжи, ты, немчура?

— В прошлой жизни был чемпионом по биатлону среди военных. Знаешь, что такое биатлон?

— Совсем поехал на своих мультиках сраных! Отпусти, шваль!

Похоже, он действительно больше не проявлял агрессии. Но отпускать было рано — по крайней мере, до прибытия жандармов. К тому же, на этот раз расклад был совсем не тот, какой он был на прошлой моей встрече с «Единорогами».

— Давай-давай, плачь сильнее, розовый единорожка. Чтобы жандарм точно спросил, как у нас дела. Ты же хочешь присесть в карцер?

Я наградил его щелчком по болевой точке на локте.

— А! Да что он мне сделает! У меня папа!

— На данный момент ты — частное лицо, а я - при исполнении. Пока ты будешь доказывать кому-то, кто твой папа, я улечу в рейс, а ты так и останешься без лыж. Хочешь?

— Отпусти! — он уже не требовал, а просил. — Что тебе надо?

— Зачем вы пытались убить меня?

— Пытались?! Каким образом?

— Машина. Внедорожник. Толкнули моё такси с аэродука.

— Я понятия не имею, что к тебе Игорь привязался! И ни о каком убийстве речи не шло, мы, что, совсем беспредельщики, что ли? Просто тебя чморить было так прикольно, а сейчас... ты какой-то стал.

Как бы сейчас пригодился навык чтения мыслей! Впрочем, парень совсем не выглядел хорошим актёром, а та интонация, с которой это было сказано, исходя из моего опыта, была вполне искренней.

Я кивнул.

— Передай Игорю. Что блокнота никакого у меня нет. Что я его сжёг ещё в восемнадцать лет, а данные о том, что там было, попросил удалить знакомого сенса-психолога. Как и половину памяти об учёбе в вашей сраной шараге. Так что я теперь не помню, как и за что меня пытались унижить, но помню, что вы - мои враги и вас следует уничтожить. Понял?

С этими словами я отпустил его и оттолкнул от себя. Он поправил съехавший пиджак, презрительно фыркнул, а затем направился к выходу из буфета. «Бурят» подобрал сумки, сказал:

— Извините, барин, он не хотел причинить вам вреда...

А затем, проходя мимо, хлопнул меня по плечу.

Следующую секунду я запомнил на долгие месяцы.

Мир изменился. Больше не было буфета, барной стойки, людей вокруг. Я стоял в одиночестве на краю остроконечного мыса, под которым сливались две кипящие реки лавы. Воздух был полон запаха серы и настолько реален и осязаем, что я, казалось, мог потрогать его. До горизонта простирались безлюдные красные пустоши, не то земные, не то инопланетные, а позади — ледяная стена, уходящая далеко вверх. Я стоял недвижимый, не в силах пошевелить пальцем; от горизонта двигалась яркая белая точка, постепенно приобретающая очертания. Это была белоснежная колесница причудливой формы, запряжённая тройкой ярко-белых огромных грифонов, которые тянули её над землёй.

В колеснице восседала фигура в точно таком же белоснежном одеянии. На краю сознания промелькнула мысль: очень похожее одеяние у моего межпространственного руководителя — Верховного Секатора. Но это был не он. Когда волшебная повозка оказалась прямо напротив меня, грифоны отцепили тросы и разлетелись в сторону, а фигура встала, откинув капюшон. Потоки чёрного света, словно струящийся яркий дым изошли из капюшона.

— Будь осторожен. Прими верную сторону, — прозвучал беззвучный голос в голове.

Кольцо на пальце левой руки с треском лопнуло, картинка исчезла. Течение времени, не то замедлившееся, не то ускорившееся в десятки раз, возвращалось в нормальное русло. Я стоял ошарашенный посреди буфета и наблюдал спину уходящего бурята. «Он не был сенсом, - промелькнула мысль, - со мной говорил через него кто-то другой». Подобрал осколки кольца, допил кофе и пошёл навстречу Сиду и Андрону, которые уже махали мне рукой.

— Идём, уже посадку открывают.

«...Судари и сударыни! Вас приветствует Авиапарк Лаптева и Лаптева. Вы на борту новейшего Атланта-450, межконтинентального магистрального авиалайнера. За бортом...»

Коробка отправилась в специальный сейф для ценных грузов под сиденьем Андрона. Нас посадили с ним через проход, рядом, и мы договорились дремать поочередно. Потому страха, что Евгений, пришедший из эконом-класса, перережет мне глотку, не было. Полёт занял долгие десять часов, за которые я успел помыться, перекусить с Сидом в лобби, поймать злобный взгляд прошедшего мимо Евгения. Немного грустно стало от мысли, что именно в таком же лобби я впервые встретил тогда Алку — хорошую, в принципе, девушку, которая ждала моего возвращения.

Вытянуть из Андрона удалось не сильно много — он всё больше дремал, да и был не особо многословен в том, что касается работы. Но я попытался.

— Ты там был?

— Дважды, девять и семь лет назад. Думаю, там не очень много изменилось.

— Считай меня дебилом, но расскажи — почему так сильно стоит бояться севера Зеленогорья? Таксист прямо в лице изменился.

— Мафия. Бандюганы на дорогах. Корсары. Коррупция. Саблезубые кошки. Проститутки с заболеваниями, — сказал он и отвернулся от меня к стенке кабинки.

Когда мы миновали Скандинавию, я рискнул уснуть. Проснулся, когда под крылом самолёта уже плескался Северный Ледовитый океан, а до посадки оставалось меньше часа. Я приготовился к встрече с новой территорией, на которой ещё ни разу не был ни в одном из параллельных миров.

Глава 4

Я уже знал, что Зеленогорский край не был колонией. Он был давнишними исконно-российскими землями, такими же, как, например, Сибирь или Дальний Восток, и осваивался поморами ещё со времён последнего малого ледникового периода. Десять миллионов россиян и коренных жителей проживали в десятке областей, двух дюжинах городов, из которых два насчитывали больше миллиона человек.

А ещё там были мамонтовые хозяйства и девочка-крепостная, которую в перспективе следовало вытаскивать на большую землю. Но я пока не знал, удастся ли мне навестить отцовское фермерское хозяйство.

Вечерело, но солнце на этой широте и не думало опускаться. Подспудно я думал увидеть на подлёте в иллюминатор льды и ледяную тундру, но берег встретил нас зелёной стеной хвойного леса и огнями городского порта вдалеке. Обычная Сибирская тайга. Наш гигантский самолёт сделал пару виражей и вонзился в лесной массив, в прорезанную посадочной полосой просеку.

— Ты знаешь, что такое айсберг? — спросил я Сиды, пока мы стояли в очереди на выход.

— Что-то из кельтских сказаний, кажется. В какой-то песне слышал. Ледяная гора в море?

— Это плавучие льды с ледника, — подсказал подошедший Андрон. — В Фаддеевом море встречаются, но до девятнадцатого века считались мифом, ты прав, музыкант.

Снег кое-где на границах лётного поля всё же лежал — но тонкий, подтаявший, а рядом — уже пробивалась мелкая травка. Признаться, я даже был рад увидеть его в этом мире. Сид, легко одетый, поёжился на солёном ветру.

— Да, надо бы тебе куртку потеплее прикупить, — сказал я. — И брюки. Сейчас на такси?

— Чтобы я командировочные тратил? — нахмурился Андрон. — Знаешь, сколько такси выйдет. Доедем до Новгорода-Заморского на электричке, тут быстро. На, теперь ты носи чемодан.

— Станный чемодан, — почесал подбородок Сид. — Я снова забыл о его существовании.

— Так и положено, — кивнул я. — А мы успеем на электричке? Я так понимаю, нам надо в офисе отметиться.

— По местному шесть тридцать. Они работают до семи, и не уверен, что у них в отделе особых поручений есть ночные дежурные. Всё равно не успеем. Едем перекусить — и в ночлежку.

На выходе из аэропорта ещё раз пересёкся с Евгением Анадыревым — мой заклятый враг смерил меня презрительным взглядом, садясь в такси. Его слуга не выдавал никаких эмоций.

Я до сих пор не понимал, что со мной произошло. Было ли это наведённое кем-то безумие, либо послание от какого-то мощного сенса. «Выбери правильную сторону», — сказали мне. Если верить записям в сожжённом дневнике, обществ-кланов было минимум три. Возможно, меня пытались вербовать во вражеский клан? В таком случае, если с этим как-то связаны «Еди-

нороги» — почему они пытались меня убить? Если же Евгений не соврал, и аварию устроили не они — всё становилось ещё удивительней. Это означало, что мной интересуется некто куда более серьёзный.

Аэропорт разместился на небольшом полуострове, рядом с городом Желуново. До железнодорожной станции дошагали за десять минут, но на площади свернули в большой торговый центр. Андрон поворчал про то, что мы задерживаемся, но я настоял, чтобы Сиду купили куртку и брюки.

— Ещё не хватало, чтобы у нас водила простыл.

За экипировку Сид отдал шесть рублей — купил куртку-маломерку, едва налезавшую на его пузо и смешные полосатые штаны. Затем заплатили по полрубля и поехали — пятьдесят километров до краевой столицы.

Электропоезд здесь был в лучших традициях провинциальных поездов конца двадцатого века. Слегка проржавевшие вагоны тридцатилетнего возраста, истёртые сиденья и соответствующий контингент, правда, с местным колоритом. Вместо пьяной алкашки — пьяные моряки, вместо нищих студентов — крепостные, одетые в дешёвые куртки.

Мы поехали первым классом. Помимо нас в вагоне ехали совершенно-нереальные господа в пончо и с перьями в волосах.

— Индейцы, — хмыкнул я. — Я думал, они южнее.

— Южнее норвеги их всех перебили, — пояснил Андрон. — Вот к нам и сбежали, вождам баронские титулы пораздавали и надели на побережье Нутряного. Наверное, какой-нибудь такой князёк и едет.

Электричка петляла между лесами, периодически проезжая по берегу живописного фьорда, и вскоре нас встретил Новгород-Заморский. Мы спускались к нему с горы, а он лежал на берегу глубокой бухты, переходящей в долину. Я вглядывался в силуэты домов и пытался понять, на что это похоже. Пожалуй, какой-то хитрый гибрид Осло и позднесоветского Петропавловска-Камчатского. Серые многоэтажки в глубине городских районов, десяток стеклянных офисников по центру, формирующих «сити», и цепочки коттеджей и усадеб на въезде в город. А ещё я заметил десяток крупных военных кораблей, стоявших в бухте. Логично, что все более-менее крупные города в таком отдалении становятся для любой империи военными базами.

Телефон пикнул: «Добро пожаловать в сеть Зеленогорья! Предупреждаем о плохом качестве связи в отдалённых уездах».

— Чемодан не забудь, — напомнил Андрон на выходе и сообщил: — Помню я тут отличную гостиницу. Недавно Прохор ездил, рекомендовал. Пойдём пешком, тут недалеко.

Мы пробились через толпу попрошайек, вышли на проспект, который чуть более напоминал цивилизацию. Я заметил, что машины здесь были сплошь либо малолитражки, либо внедорожники — ничего похожего на комфорт-класс. Прозвенел, проехав, трамвай — квадратный и жёлтый. Наконец, мы дотащились до старинного и, наверняка, когда-то красивого здания, безбожно испорченного дешёвой реставрацией. На нём красовалась вывеска «гостиница «Приют».

— Что-то мне уже не нравится, — заметил я. — Сколько звёзд хотя бы?

— Шесть. Но больше и не нужно.

— Шесть?!

— Ну, по десятибалльной. Мы ж не англичане какие-нибудь, чтобы гостиницы по пятибалльной шкале.

Три звезды с минусом, понял я. В принципе, всё так оказалось.

— Трёхместный есть? — с ходу спросил у администратора Андрон.

— Может, хотя бы что-то дворянского класса? — заметил я.

— Дворянского? А нахрена вам-м? — спросила девушка-администратор, продолжая жевать жвачку. — Дворяне, что ль?

Я заметил, что у неё характерный акцент — окающий и с протяжными окончаниями. Андрон толкнул меня локтём в бок.

— Давайте какой есть.

— Девять пятьдесят.

Лифта в здании не оказалось. Я подумал о том, что за всё время после моей реинкарнации практически не пользовался лифтами, словно сознательно избегал.

«А надо бы воспользоваться», — напомнил голос внутри.

Уже на лестнице я спросил Андрона:

— А что такого, что я - дворянин.

— Ты вообще не в курсе, что ли? Тут очень не любят дворян. Здесь же изрядно социалисты поработали, радикальная партия «Зелёная Гора», теракты в девяностые, может, слышал. Чуть регион не отделился. С тех пор квоты на дворян. Решили, что не больше одной тысячной от населения должны быть.

— Чего?! Это сколько, получается...

— В районе десяти тысяч. Столько и есть, наверное, ну, может, чуть больше, с учётом тех, кто на материк катается. Девяносто с лишним процентов — мещане, девять — контрактники, один процент — крепостные.

— Мда.

— Чемодан нести не устал?

Я в очередной раз с удивлением взглянул на предмет, который нёс в руке. За последние полчаса практически забылось, что я его несу. Видимо, так работала система защиты.

— Нет, нормально.

— Если сейфа в комнате не будет, то придётся положить под подушку.

— Он же здоровый!

— Ничего не знаю.

Номер оказался подстать общему впечатлению. Сходили поесть в буфет. Из всех блюд в меню более всего заинтересовала «котлета Мамонт», но выбрали самые дешёвые — давленный картофель и котлету «по-варшавски». После небольших споров спрятали кейс под кровать и единогласно решили лечь спать раньше. По местному времени было всего девять вечера, но по московскому — уже два ночи, и спать хотелось нереально.

Зато проснулись рано, до семи часов. Утро встретило меня здоровенным пауком, спустившимся по нитке прямо на моё лицо.

— Твою мать! — я резко швырнул его на пол, ударившись локтём.

— Ты чего, барь? — потянулся в кровати Сид и пошутил. — Вспомнил про «Зелёную Гору»?

Они синхронно заржали с Андроном. Я подошёл к кровати Сида и сдёрнул одеяло на пол, потянул за ногу.

— Так. Подъём. Раз такие шутники — сегодня тараканите коробку сами. Весь день. Предлагаю не задерживаться. Мы же так и не знаем, куда её везти? Может, вообще к чёрту на рога?

— Однозначно — к чёрту на рога. Иначе бы не взяли двоих сенсов.

После утренних процедур, завтрака и выгрузки из номера пришлось всё-таки подождать. До офиса Курьерской Службы мы всё так же дошагали пешком, благо, все государственные заведения здесь были в шаговой доступности. Он располагался в одной из тех самых высотных стекляшек, которые мы видели на подъезде к городу. Погрузились в лифт и поднялись на тринадцатый этаж.

Коридорчик, неприметная дверь: «Отдел особых поручений». Внутри небольшого зала обнаружилось пять человек, включая худую даму лет пятидесяти не то индейских, не то эскимосских кровей. Увидев нас, она нервно сглотнула и привстала с места.

— Ага. Пришли, — сказала она не то нам, не то своим коллегам. — Антонида Антоновна.

Все тоже дружно поднялись с мест и поздоровались с нами. В глазах читалась смесь испуга и удивления. Больше всего удивления было в глазах одной из тридцатилетних девушек

— Кажется, я тебя помню... — сказала она.

— Две тысячи третий год, — кивнул Андрон, потупив взгляд. — Столько лет прошло.

— Да. Столько лет... Я стажёркой была. Как у тебя жизнь хоть?

— Ну... Вот, — Андрон, словно стесняясь, показал кольцо на безымянном пальце.

— А я так и не смогла.

— Потом, коллеги, — немного резко прервала их дама. — У вас маршрут не открыт, ведь так? Груз при вас?

Андрон, молча, показал кейс.

— О, я и не заметила. Хорошо сделали. Пройдёмте. Вашего...крепостного можете оставить в фойе, его тут Северина кофе напоит.

Мы проследовали в тесную переговорку, на которой стоял рихнер с запущенным порталом заявок и сенсором на проводе. Начальница порылась некоторое время, стряхнула пыль с сенсора и попросила:

— Подтвердите. Палец и лицо. Понимаю, формальность, но...

Мы поочерёдно заглянули в камеру, коснулись пальца. На экране отобразилась точка и маршрут до неё, а в телефоне звякнуло новое сообщение. Даже минимальных познаний в географии было достаточно, чтобы понять, что путь предстоит неблизкий.

— Твою ж налево! — выругался Андрон. — Дальноморск. Опять грёбанный Дальноморск.

— Да, конец географии. Самый северный в мире миллионник. Ехать можно по железной дороге до Михайловска-Андреевского, оттуда арендовать машину. Там есть офис Курьерки, обычные отделы, но что у них за парк... Можете лучше взять у нас внедорожник.

— Дальноморск, — продолжал бормотать Андрон. — Мне нельзя туда!

— Почему? Опять наследил по молодости? — усмехнулась начальница.

— Проиграюсь... Да и место стрёмное.

— Ну, да, чего греха таить. Город Лаптевых. Им, кстати, и везти товар. Вчитайся в поле получателя.

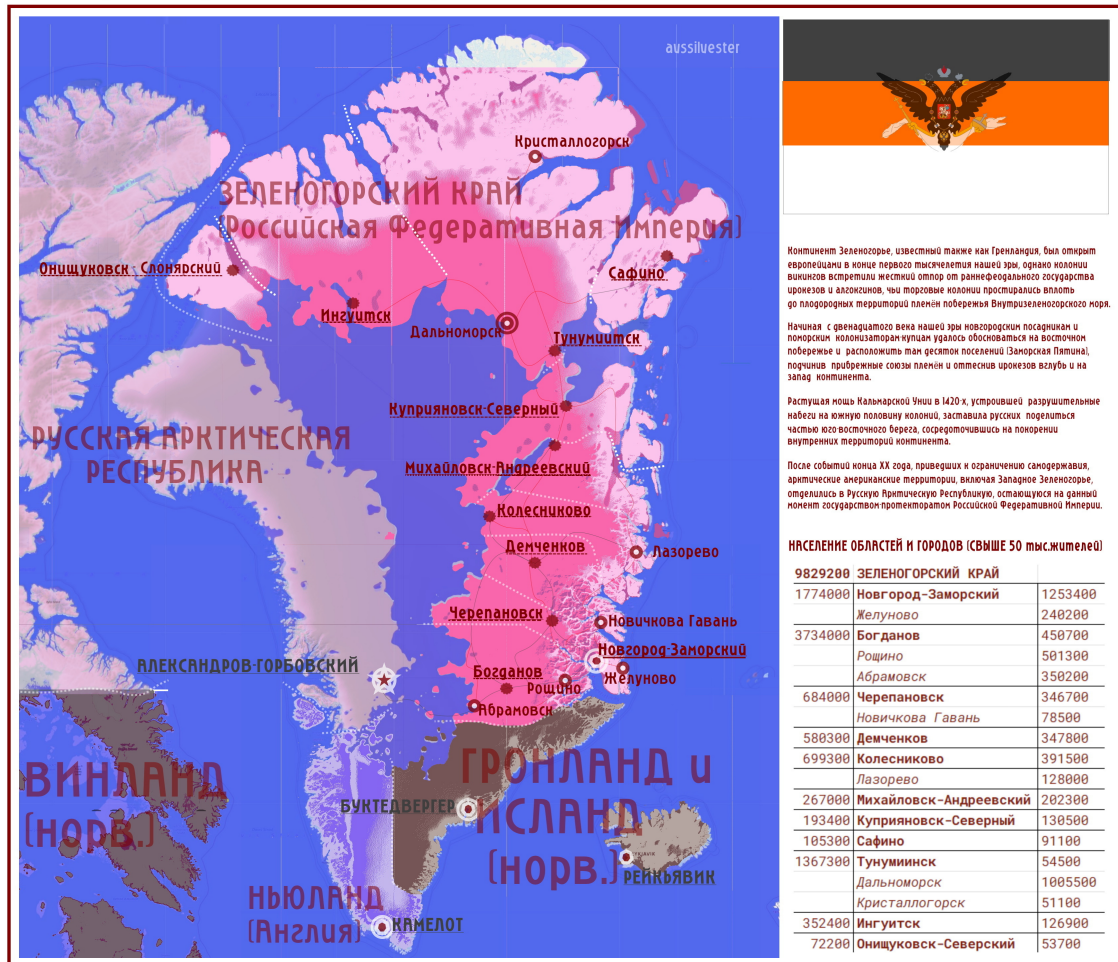
— Чего?!

Я вчитался в сообщение в телефоне:

«Адрес: Зеленогорский край, Тунумиитская обл., гор. Дальноморскъ, адресъ — по согласованию съ получателемъ. Получатель: Лаптевь Тимофей Евгеньевичъ. Титулованное дворянство, обращение: графъ, ваше сиятельство, редкий потребитель»

— Приплыли, Эльдар, — он схватил меня за воротник. — Это самая лютая русская мафия, которая только бывает в Западном Полушарии. Молись, чтобы нас не прикончили после этого.

Административное деление Зеленогорского края Российской Федеративной Империи и города свыше 50 тыс. чел. (2010 г.)



Ча

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.